

МАРКСИЗМ, НАУКА И НАУКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Хелена Шихан,

Дублинский городской университет,
Дублин, Ирландия,
helena.sheehan@dcu.ie

Статья поступила в редакцию 26.01.2022, принята к публикации 02.11.2022

Для цитирования: Шихан Х. Марксизм, наука и науковедение: история и перспективы // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 10–29. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10

Аннотация

Марксизм с самого начала относился к науке в высшей степени серьезно, не только по причине ее экономических перспектив в построении социалистического общества, но и в связи с ее разоблачительной силой в понимании мира. В статье анализируется вклад марксизма в науку, прослеживается траектория развития марксистских идей в области философии науки и науковедения. Описываются некоторые ключевые исторические эпизоды, такие как прибытие советской делегации на Второй Международный конгресс по истории науки и техники, прошедший в Лондоне в 1931 г., а также дальнейшие взаимоотношения между марксистами и представителями других интеллектуальных направлений. По мнению автора статьи, марксизм сочетает внимание к прогрессивным результатам эмпирических наук с разработкой философской основы, способной интегрировать расширяющиеся знания и осознание социально-исторического контекста всего этого. Он дает возможность увидеть мир с точки зрения сложного паттерна взаимосвязанных процессов, показать, что экономические структуры, политические институты, правовые кодексы, моральные нормы, культурные тенденции, научные теории, философские взгляды являются продуктами модели исторического развития, сформированной способом производства. В настоящее время интерес к марксистской философии науки постепенно возрождается. Причины в большей степени связаны с текущей чрезвычайной

© Шихан Х., 2022

ситуацией планетарного масштаба, в частности, с надвигающейся климатической катастрофой и продолжающейся пандемией COVID-19. Делается вывод, что марксизм по-прежнему остается непревзойденной философией нашего времени..

Ключевые слова:

марксизм, наука, науковедение, история философии, философия науки, конгрессы, Второй Международный конгресс по истории науки и техники, пандемия COVID-19, климатическая катастрофа.

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_4_10

MARXISM, SCIENCE, AND SCIENCE STUDIES: HISTORY AND PROSPECTS

Helena Sheehan,

Dublin City University,
Dublin, Ireland,
helena.sheehan@dcu.ie

Article received on January 26, 2022, accepted on November 2, 2022

For citation: Sheehan, H. (2022). Marxism, Science, and Science Studies: History and Prospects. *Discourse-P*, 19(4), 10–29. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_10

Abstract

From the beginning, Marxism took science extremely seriously, not only for its economic promise in building a socialist society, but also for its revelatory power in understanding the world. The article analyzes the contribution of Marxism to science, traces the trajectory of Marxist ideas in the field of philosophy of science and science studies. It describes some key historical episodes, such as the arrival of a Soviet delegation to the Second International Congress on the History of Science and Technology, which was held in London in 1931, as well as the subsequent interaction between Marxists and exponents of other intellectual traditions. According to the author, Marxism combines attention to the advancing results of the empirical sciences with the development of a philosophical framework capable of integrating expanding knowledge and an awareness of the sociohistorical context of it all. It is a way of seeing the world in terms of a complex pattern of interconnecting processes, a way of revealing how economic structures, political institutions, legal codes, moral norms, cultural trends, scientific theories, philosophical perspectives are all products of a pattern of historical development shaped by a mode of production. There is evidence of a gradual revival of interest in Marxist philosophy of science now. The reasons have more to do with the current planetary emergency, particularly

the looming climate catastrophe and the persisting COVID-19 pandemic. It is concluded that Marxism is still the unsurpassed philosophy of our time.

Keywords:

Marxism, science, science studies, history of philosophy, philosophy of science, congresses, the Second International Congress on the History of Science and Technology, COVID-19 pandemic, climate catastrophe.

От переводчика и научного редактора¹

Предлагаемая читателям статья² ирландского философа Хелены Шихан (Шихэн) во многих отношениях является автобиографическим очерком. В ее изложении мы видим не только историю взаимоотношений марксистской философии и науки в XX – начале XXI вв., но и то, что даже на «свободном» «антимарксистском» Западе марксистам, как и в «тоталитарном», но все же «марксистско-ленинском» Советском Союзе, зачастую приходилось несладко. Поскольку Х. Шихан долгие годы была левой (марксистской, коммунистической) активисткой, некоторые высказанные в статье суждения (особенно связанные с воинственно-полюемической лексикой) могут показаться читателям научного журнала несколько резкими. Однако именно такие суждения показывают, что общественные науки не могут быть беспристрастными, стоящими вне человека и того общества, в котором они существуют и которое они исследуют. Профессор Шихан, если можно так выразиться, – воинствующий сторонник такого, социально и субъектно ангажированного, подхода. Предлагаемый текст – яркое тому подтверждение. К тому же он интересен и в силу того, что написан участницей многих связанных с историей науковедения, философией науки событий, о которых идет речь (зачастую эмоциональная и личная) в статье. «Иногда мне кажется, – пишет автор в книге *Navigating the Zeitgeist*, – что я прожила целую вечность за считанные десятилетия. Волна исторических перемен, подобных тем, что захлестнули столетия назад, кажется, уже несколько раз прокатилась по моему миру. И кто знает, что мне еще предстоит увидеть? Возможно, я нахожусь только на полпути к тому времени, когда, как я могу ожидать, моя жизнь будет пройденной» (Sheehan, 2019, p. 7).

Хелена Шихан родилась в 1944 г. в г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США. Первоначально преподавала в начальной школе как монахиня, но в 1965 г. покинула монастырь и стала агностиком и либералом, а позже атеистом

¹ Переводчик и научный редактор – Петр Николаевич Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0975-4418>, e-mail: pnk060776@gmail.com

² С англоязычным вариантом работы можно ознакомиться на сайте журнала *Monthly Review*: Sheehan, H. (2022). Marxism, science, and science studies. From Marx and Engels to COVID-19 and COP26. *Monthly Review*, 74(1). Retrieved November 8, 2022, from <https://monthlyreview.org/2022/05/01/marxism-science-and-science-studies/>

и коммунистом (в то время как в подростковом возрасте была сторонницей маккартизма). В 1967 г. в Университете Святого Иосифа (Филадельфия) она получила степень бакалавра, в 1970 г. – степень магистра в Университете Темпл (Филадельфия). В 1980 г. защитила докторскую диссертацию по философии в Тринити-колледже (Дублин, Ирландия). Профессор Шихан преподавала медиаисследования в Дублинском городском университете и историю идей в Школе коммуникаций. Она также училась в Институте общественных наук в Москве (сейчас РАНХиГС, ранее Академия общественных наук при ЦК КПСС), была приглашенным профессором Кейптаунского университета в ЮАР, читала лекции по всему миру (США, СССР, ГДР, Мексика, Канада, Ирландия, Великобритания, Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Греция, ЮАР).

Помимо научных исследований, Хелена Шихан – известная левая активистка. В 1972 г. в Ирландии она вступила в леворадикальную политическую организацию «Официальная Шинн Фейн», а в 1975 г. – в Коммунистическую партию Ирландии. Некоторое время Хелена возглавляла Дублинское коммунистическое общество Тринити-колледжа. В 1981 г. вступила в Лейбористскую партию, где стала основателем левой фракции. С 2011 г. она не состоит ни в каких партиях, но остается внепартийной активисткой. Так, в 2011 г. она организовала *Occupy University* во время акции *Occupy Dame Street*. Также часто ездила в Грецию и была связана с греческой *Syriza*, коалицией левых радикалов, написав об этом в своей книге *The Syriza Wave* (Sheehan, 2017). В 2019 г. была опубликована автобиографическая работа *Navigating the Zeitgeist* (Sheehan, 2019).

Хелена Шихан – почетный профессор Дублинского городского университета, автор многих статей и книг по философии, философии и истории науки, политике и культуре. Будучи сторонницей гуманистического марксизма в философии науки, Х. Шихан негативно оценивает лысенковщину и другие подобные явления, при этом четко отгораживая их от позитивной и творческой линии в советском марксизме-ленинизме. Помимо всего прочего, она является ярким критиком постмодернизма. Для российского читателя будет интересно узнать, что профессор Шихан поспособствовала публикации на английском языке части «Тюремных рукописей» Н.И. Бухарина (Bukharin, 2005, pp. 7–30) и написала для них большое информативное *Введение*.

Предлагаемый перевод – первая публикация ирландского философа на русском языке. По просьбе редакции журнала «Дискурс-Пи» профессор Шихан любезно написала краткое обращение к российским читателям.

Несколько слов для российских читателей

По причине давнего интереса к марксизму в России, особенно к советскому марксизму, а также к досоветскому и постсоветскому марксизму, я очень рада, что меня попросили опубликовать эту статью и обратиться к русским читателям. Я приехала в СССР в 1970-е гг., чтобы провести исследование дебатов о взаимодействии философии, науки и политики. И нашла эту историю увлекательной, особенно оживленные дебаты 1920-х гг., которые, к сожалению, обернулись трагедией в 1930-е гг. Конечно, для философии играть роль ортодоксии однопартийного государства всегда составляло проблему. Я помню разговор с молодой женщиной, состоявшийся много лет назад в Москве. Она выразила удивление,

что кто-то тратит так много времени на изучение марксизма, когда в этом нет никакой необходимости. Когда наступил конец СССР, мне показалось, что мир перевернулся, но, с другой стороны, это продемонстрировало, кто был искренним марксистом, а кто нет. Я рада, что в России еще есть те, кто изучает марксизм, когда к этому никто не принуждает. Возможно, сейчас приверженцев марксизма стало значительно меньше, но таковыми остались только те, кто действительно искренне относится к нему. И я рада быть частью этого.

Хелена Шихан, Дублин, 2 февраля 2022 г.

Введение

История отношения марксизма к науке необычайно насыщена и драматична. Хотя это увлекательная и важная история, но, к сожалению, она все больше забывается.

С самого начала марксизм чрезвычайно серьезно относился к науке не только по причине ее экономических перспектив в построении социалистического общества, но и в связи с ее разоблачительной силой в понимании мира. Марксизм выдвигал самые сильные среди всех интеллектуальных направлений требования относительно социально-исторического характера науки, но всегда подтверждал ее когнитивную значимость.

В марксистской парадигме наука считалась неразрывно связанной с экономическими системами, технологическими разработками, политическими движениями, философскими теориями, культурными тенденциями, этическими нормами, идеологическими позициями и вообще со всем человеческим. Также наука рассматривалась как путь доступа к миру природы, что порождало исследования, тексты, теории, трения и дебаты (Sheehan, 2018). Однако ни дихотомия объективистской и конструктивистской традиций, ни дуализм интернализма и экстернализма в философии и истории науки никогда не могли уловить эпистемологическую динамику конститутивного влияния социальных структур на научные исследования (что было центральным ядром марксистского взгляда на науку) и отдать должное взаимодействующему полю сил, задействованных в историографическом процессе этого взаимосвязанного влияния.

А поскольку в современной философии науки марксистские концепции (к которым я категорически не отношу различные псевдомарксистские, «левацкие», постгуманистические концепции, гендерные, транссексуальные и прочие антинаучные квир-теории) выносятся за скобки и начинают господствовать неопозитивистские, прагматистские и даже постмодернистские подходы, то возникает даже не научная проблема, а научная катастрофа: философия науки в лице ее многообразных парадигм не может внятно и прозрачно объяснить ни социальные детерминанты науки, ни социальные корни собственных нарративов о науке.

В предлагаемой статье я сначала в форме краткого обзора рассмотрю исторические, социально-политические, идеологические, философские, эпистемологические перипетии взаимоотношений между марксизмом и наукой, а затем попробую показать, что же может предложить марксизм в области философии науки и науковедении сегодня.

Марксизм и наука: история взаимоотношений

Карл Маркс и Фридрих Энгельс чутко реагировали на науку своего времени и интегрировали свое понимание в ядро своего мыслительного процесса при развитии интеллектуальной традиции и политического движения, которые стали называться марксизмом. Я бы, конечно, предпочла, чтобы эта сложная теоретическая и политическая история не называлась именем одного человека, но так уж получилось.

Велись споры об отношениях Маркса и Энгельса с тенденцией противопоставления Маркса-гуманиста Энгельсу-позитивисту, особенно отделения Маркса от работы Энгельса «Диалектика природы». Дискуссии о диалектике природы периодически активизировались, в том числе в последнее время, и сегодня наблюдается более сильная тенденция отстаивать независимость Энгельса, чем в то время, когда я вступила в борьбу десятилетия назад (Kangal, 2020). На карту поставлено развитие всеобъемлющего мировоззрения, охватывающего как человеческое общество, так и мир природы, с сильным акцентом на передовые научные достижения. Последующее поколение марксистов, в период II Интернационала, также уделяло большое внимание поступательному развитию науки, велись споры о его значении и последствиях, особенно в ответ на такие течения, как позитивизм, махизм, неокантианство.

После Октябрьской революции произошла активизация этой деятельности. Наука стала необходимым средством в процессе построения нового общественного строя. Считалось, что научная теория – это вопрос не только истины и заблуждения, но и вопрос жизни и смерти. Было много жарких дискуссий и споров, в том числе между теми, кто больше опирался на эмпирические науки, и теми, кто подчеркивал преемственность между марксизмом и историей философии.

Со всеми интеллектуальными дебатами того времени переплеталась острая борьба за власть. Возникли напряженные отношения с более космополитической марксистской интеллигенцией, которая нашла свой путь к марксизму в трудных и опасных условиях борьбы, испытала множество интеллектуальных влияний, привыкла общаться с интеллектуалами, придерживающимися разных точек зрения, и отстаивать марксизм именно в такой демократичной интеллектуальной среде. Однако на них все чаще оказывалось давление со стороны тех, кто вырос уже во время революции, никогда не был за границей, не знал иностранных языков, мало разбирался в естественных науках или истории философии, никогда не общался с представителями других интеллектуальных традиций. Большинство из этих марксистских неопитов были более склонны ссылаться на авторитет классических текстов или партийных постановлений, чем вступать в теоретические дебаты. Они стремительно продвигались по карьерной лестнице и становились профессорами, академиками, директорами институтов и членами редакционных коллегий, занимая руководящие посты, в том числе по отношению к интеллектуалам с международной репутацией. Назревал неизбежный конфликт, и скоро должна была пролиться кровь.

Второй Международный конгресс по истории науки и техники, проходивший в Лондоне в 1931 г., получил широкую огласку в средствах массовой информации в связи с приездом возглавляемой Николаем Бухариным советской

делегации, в составе которой были Борис Гессен, Николай Вавилов и другие известные в истории науки люди. Они оказались как бы между молотом и наковальней: им приходилось отстаивать свою версию марксизма в борьбе против одного давления дома и совсем другого за границей. Они, надо отдать им должное, уверенно ориентировались в этих бурных водах. Тем не менее их постигла трагическая участь. Бухарин, Гессен и Вавилов погибли в ходе чисток.

На конгрессе (и после него) наибольшее признание получил доклад Бориса Гессена «Социальные и экономические корни принципов Ньютона» (Bukharin et al., 1931), который часто цитируют как классический манифест экстерналистской позиции в историографии науки. Гессен видел корни учения Ньютона в социальных, политических и экономических силах и влияниях его времени, рассматривая английского ученого как сына торгового капитализма XVII в. и классового компромисса 1688 г., сочетавшего механистическую причинность с теологическими спекуляциями в своей научной модели. В Советском Союзе Гессен защищал теорию относительности и квантовую механику от поддержанной Сталиным позиции, которая утверждала, что новая физика коренится в буржуазном идеализме. Несмотря на то, что в Лондоне Гессен подчеркивал социально-экономические корни, а в Москве – когнитивную достоверность, наиболее провокационным в обоих контекстах, несмотря на противоречивое давление, стало то, что его позиция была последовательной, демонстрируя диалектический синтез внутренних и внешних факторов, эмпирических данных, логических аргументов и социально-экономического контекста. Поэтому я считаю, вопреки распространенному мнению, что Гессен не был экстерналистом.

Николай Бухарин – важная фигура и в политическом, и в философском развитии марксизма. Он считался возможным преемником Ленина и, несмотря на падение с политического олимпа, остался заметным игроком во многих сферах советской жизни, от искусства и науки до экономического планирования. В своем стремлении «большевизировать» каждый социальный институт и академическую дисциплину, прекратить дебаты и прийти к правильной марксистской линии по каждому вопросу, Бухарин выступил против радикальных и дерзких большевиков, которые пытались переопределить процесс научных открытий, и встал на сторону генетиков, таких как Вавилов, против Трофима Лысенко. В Лондоне он намеревался донести до скептически настроенной аудитории интеллектуальную жизнеспособность марксизма, поместив его в контекст всех современных течений в западной философии. Он продолжал совершенствовать свою философскую позицию на протяжении всего десятилетия. Даже в тюремной камере, готовясь уйти из жизни, написал большой трактат по философии, продемонстрировав впечатляющее понимание истории философии, а также философских проблем в науке (Bukharin, 2005).

Конгресс 1931 г. вывел силы, уже находившиеся в движении, на новый уровень взаимодействия друг с другом. На конгрессе столкнулись противоположные мировоззрения. Больше всего эта конфронтация затронула тех, кто стоял между ними, – ученых левого толка в Британии, которые разделяли взгляды участников мероприятия издалека. Идеи Дж. Д. Бернала, Дж. Б. Холдейна и других ведущих западных ученых, ставших марксистами, получили распространение среди их современников и дали начало динамичному радикальному научному движению в 1930-е гг. (Werskey, 1978; Chilvers, 2015).

Эта дискуссия британских и советских марксистов распространилась вовне и затронула многих из тех, кто не присутствовал на конгрессе. Книга «Наука на перекрестке», где были собраны доклады советских ученых, была переведена на многие языки и на протяжении десятилетий распространялась во многих частях мира. Ее читал Антонио Грамши, находясь в тюремной камере, а также Кристофер Кодуэлл, когда стремительно переосмысливал все области человеческого знания с марксистской точки зрения. В результате этого переосмысления появились удивительные трактаты по биологии и физике, а также по истории, философии, психологии и культуре, которые остались незаконченными из-за того, что Кодуэлл, будучи участником британского батальона, набранного из членов Коммунистической партии Великобритании, погиб в феврале 1937 г. во время Гражданской войны в Испании.

Кодуэлл показал, как научные открытия отражали новый контакт с миром природы посредством эмпирического эксперимента, но получали свою форму и воздействие от социальных отношений того времени. Он утверждал, что проблемы физики не могут быть решены в рамках одной физики, и рассматривал метафизику физики как раздираемую теми же противоречиями, что и любой другой аспект буржуазного сознания. Кодуэлл четко видел, что знание как продвижение на эмпирическом уровне тем не менее порождает путаницу и хаос, поскольку буржуазная культура не способна ассимилировать свои достижения или высвобожденные ею силы из-за отсутствия целостного мировоззрения (Caudwell, 1971, 1986, 2018).

Другой участник лондонского конгресса – британский марксист Джон Бернал – также видел в марксизме такую комплексную основу. Это была философия, вытекающая из науки, которая привнесла в науку порядок и осветила ее дальнейший путь. Это позволило разработать метод согласования экспериментальных результатов науки и объединения ее различных отраслей в глубокой социально-исторической перспективе. Бернал призывал к созданию науки о науке – того, что позже стали называть науковедением (Bernal, 1934; Sheehan, 2007).

Марксисты того периода не только разрабатывали данную позицию, но и вступали в полемику с представителями других направлений, придерживавшимися противоположных взглядов. В философии науки особенно заметными были аргументы против Джеймса Джинса и Артура Эддингтона, которые, как считалось, привносили иррационализм в саму науку. Нетрудно догадаться, что ученые-марксисты того времени сделали бы с постмодернистскими антинаучными исследованиями, появившимися позже.

После 1945 г. влияние марксизма еще больше усилилось. В Восточной Европе он стал доминирующей силой в университетах, исследовательских институтах, академических журналах новых социалистических государств. Он распространился в Азии, Латинской Америке, Африке в виде освободительных движений, ставших в отдельных случаях партиями власти. Иногда марксизм был предметом глубочайшего убеждения, иногда нет. На мой взгляд, быть ортодоксом в однопартийном государстве – это не рецепт здорового развития интеллектуальной традиции.

Тем не менее была проделана серьезная работа по разработке особого подхода к науке, особенно в изучении философских выводов естественных

наук. Так было в академиях Восточной Европы, особенно в ГДР, в интеллектуальной жизни коммунистических партий, в таких журналах, как *Science & Society*, *La Pensée*, *Modern Quarterly*, *Monthly Review*. Это сильно отличалось от узкометодологического подхода, применяемого в философии науки в других странах. Это была очень значимая работа, которая, к сожалению, практически не известна за пределами марксистской среды. Марксизм сочетал внимание к прогрессивным результатам эмпирических наук с разработкой философской основы, способной интегрировать расширяющиеся знания и осознание социально-исторического контекста всего этого.

В остальном мире, где господствовал капитализм, 1960-е и 1970-е гг. по-новому поставили марксизм на повестку дня. Новое левое брожение охватило Северную Америку, и особенно Западную Европу. Это было время, когда все, что ранее догматически утверждалось как истина, было подвергнуто сомнению, а университеты и улицы стали территорией борьбы и сопротивления. Академические дисциплины подвергались со стороны марксистов и левых ученых, преподавателей, студентов тщательному и даже разрушительному анализу в самом их основании. Философия, социология, литература, наука – все области знания – считались связанными с властью. Университетские кампусы и научные конференции были полны страсти и полемики. Такие журналы, как *Radical Philosophy*, *Insurgent Sociologist*, *Science for the People*, *Radical Science Journal*, *Science as Culture* на своих страницах дали выражение этому воинственному брожению. Многие представители моего поколения всей душой отдались этому поиску, этому стремлению. Мы сожгли много лодок и пустились в плавание по чужим морям. Никогда в юности, когда я была маленьким католическим воином холодной войны, не представляла себе, что перейду на другую сторону «железного занавеса» и стану коммунистом. Даже когда я впервые двинулась влево, не думала, что иду именно в коммунистическом направлении.

В отношении американских новых левых к левым старшего поколения присутствовал, так сказать, остаточный антикоммунизм, а также битва поколений. Были и наивность в отношении власти, и игнорирование экономики, и подозрительность к науке. Поначалу я разделяла эти взгляды. Но я радикально изменилась, когда переехала из США в Европу, где разрыв между новыми и старыми левыми был не так велик. Мое участие в политической культуре Европы трансформировалось, и я по-новому взглянула на предыдущее поколение левых. Хотя многие из этого поколения были еще живы, те, кто тронул меня больше всего, были уже мертвы. Тем не менее они снова ожили в моем воображении, когда я читала их тексты и расспрашивала их современников об их жизни. Моими наставниками были прежде всего Бернал и Кодуэлл. Возможно, это как-то связано с некой экзистенциальной чувствительностью католиков, ставших коммунистами.

Меня интересовал марксизм как целостное, всеобъемлющее мировоззрение. Я была заинтригована тем, как он объясняет, что интеллектуальные движения укоренены, фундированы в социально-исторических силах. Более того, я в совершенно новом свете увидела всю историю философии, которую изучала и в университете, и самостоятельно. Я увидела все по-новому, в новой перспективе все было взаимосвязано: философия, культура, политика,

экономика, наука. Я решила сосредоточиться именно на науке в рамках этой поразительной сети отношений. Исследование, проведенное мной в книге «Марксизм и философия науки: критическая история» (Sheehan, 2018), было захватывающим приключением, особенно во время моих посещений Восточной Европы. Я чувствовала себя детективом, раскрывающим запутанную серию пересекающихся историй. Я пыталась написать марксистскую историю марксизма и науки, несмотря на огромное давление на меня с противоположных сторон, с востока и запада, со стороны левых и правых, старых и новых левых, обязательств и карьеры.

Иногда, к моему удивлению, я чувствовала большую близость с предыдущим поколением, чем со своим собственным. Я никак не могла понять, почему мои современники, особенно среди британских марксистов, отвернулись от поколения Бернала и Кодуэлла и устремились к Луи Альтюссеру или Мишелю Фуко.

Журнал *New Left Review* колебался между забвением предыдущего поколения британских марксистов и враждебностью к ним. *Marxism Today* отошел еще дальше от марксизма, независимо от того, насколько далеко распространился этот термин. *Radical Science Journal* общался с более ранним поколением, однако критически. Книга Гэри Верски «Видимый колледж» (Werskey, 1978) была, пожалуй, самой существенной посреднической работой между этими поколениями в вопросе науки. Книга Роберта Янга «Наука – это социальные отношения» (Young, 1977) была самым откровенным и провокационным изложением позиции новых левых в отношении науки. Решительно возражая против мнения о том, что наука сама по себе нейтральна и что только использование или злоупотребление ею является идеологическим, Янг и *Radical Science Journal* считали, что наука как таковая всегда является идеологической. Их аргумент заключался в том, что мы никогда не сталкиваемся с природой без посредничества, поэтому то, что мы называем природой, является социально согласованным и социально сконструированным продуктом взаимодействия между конкурирующими интересами. Исходя из того, что современная наука с ее характерными концепциями истины и рациональности и современный капитализм с его отчуждающим разделением труда возникли на основе единой доктрины, был сделан вывод, что и то, и другое должны быть полностью демонтированы. Для Янга наука означала капиталистическую науку, эпистемология была буржуазным занятием, а философия науки – тупиком (Young, 1977, pp. 65–129). Было трудно увидеть путь вперед. Понятно, что такое истолкование далеко от оптимистического утверждения науки, характерного для предыдущих поколений левых.

Между тем некоторые из нас продолжили традицию старших поколений левых, наиболее выдающимися из которых были Ричард Левинс и Ричард Левонтин, применившие ее к передовой науке нашего времени, всегда ясно осознавая, что *the truth is the whole*, особенно в полемике против тех тенденций, которые теряются в частности (Levins & Lewontin, 1987).

В 1970-е гг. я обнаружила, что происходящее в интеллектуальной культуре левых гораздо более захватывающе, чем что-либо в дублинском Тринити-колледже, где я в то время работала. Каждое лето я ездила в Коммунистический университет Лондона, где были альтернативные подходы к каждой академи-

ческой дисциплине и велись самые оживленные дебаты, какие только можно себе представить. Я переключилась на курсы по философии, истории, естествознанию, советологии, гендерным исследованиям, но сожалела, что не могу посещать курсы по психологии, антропологии, литературе и т. д.

Живя большую часть времени в какой-то параллельной вселенной, части академического сообщества развивались так, как если бы единственная история в философии науки исходила от Венского кружка через Карла Поппера, Имре Лакатоса и Томаса Куна. Философия науки на философских факультетах редко оглядывалась на другую традицию. Каждый раз, когда я возвращалась из Москвы, Берлина, Дубровника или даже Лондона, мне было странно приобщаться к философскому факультету Тринити-колледжа.

Между тем советские делегации уже не были неожиданностью на международных конференциях. Они интегрировались в организационные структуры и выступали с докладами на многих площадках. Однако степень сближения позиций – другой вопрос. В августе 1978 г. в Дюссельдорфе должен был состояться XVI Всемирный философский конгресс. Большую часть того года я провела в Восточной Европе, в основном в Москве. Тамашние философы постоянно говорили об этом. На самом деле они готовились к конгрессу не как к научному событию, а как к маневрам Варшавского договора. Они продолжали спрашивать меня, что планируют ирландские и британские философы. Но они ничего не планировали в том смысле, в каком имелось в виду. Они приезжали или не приезжали как отдельные лица и думали только о своих докладах и организации поездок.

На самих конгрессах философы из социалистических стран и философы из остального мира в основном пропускают мимо ушей доклады друг друга (как это делает большинство ученых на большинстве конгрессов). Тем не менее в Дюссельдорфе произошло несколько стычек и ощущалась атмосфера холодной войны. Я чувствовала, что нахожусь в том же положении, что и британские марксисты на конгрессе 1931 г. Я перемещалась между двумя сторонами так, как это делали очень немногие. Но, к своему удивлению и даже удовольствию, я нашла это довольно стимулирующим и использовала все полемические возможности, которые предлагала ситуация.

Подобное происходило и на других конференциях тех лет, например, на Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки в Ганновере в 1979 г. и Международном конгрессе по истории науки в Бухаресте в 1981 г. На последнем я часто находилась в компании британских историков науки. Но я чувствовала, что мои аргументы о том, что «марксизм плюс наука» не обязательно равняются условному «Лысенко», постоянно дискредитировались местом проведения и событиями съезда. Например, Елена Чаушеску (супруга генерального секретаря Коммунистической партии Румынии Николае Чаушеску) была представлена на пленарном заседании как великий ученый, и на многих заседаниях румыны утверждали, что им принадлежит ряд открытий в истории науки и техники, приписываемых другим, включая Альберта Эйнштейна. Но были и те, кто вел переговоры по поводу имеющихся противоречий. Так, Джозеф Нидэм, присутствовавший на конгрессе 1931 г., видный представитель движения левых ученых в 1930-е гг., 50 лет спустя все еще оставался посредником между Востоком и Западом.

Были и другие анклавов, где происходило постоянное взаимное обогащение, такие как Бостонский коллоквиум по философии науки, выпустивший множество томов «Бостонских исследований по философии науки» под редакцией Роберта Коэна и Маркса Вартофского. Межуниверситетский центр в Дубровнике был новаторской и важной базой для взаимодействия между Востоком и Западом, между марксистами и немарксистами. У меня остались счастливые воспоминания о вдохновляющих встречах в этой среде. Конференция по философии науки в Дубровнике была посвящена защите научного реализма от различных форм социального конструктивизма, в частности, Эдинбургской и Парижской школ. Против позиций Барри Барнса, Дэвида Блурра и Бруно Латтура выступали философы с критической марксистской позиции, такие как Маркс Вартофский, Срдан Лелас и Владислав Краевский, наряду с представителями других философских традиций, такими как Уильям Ньютон-Смит, Ром Харре и Эрнан Макмаллин. При этом диалог был свободным, дружественным, веселым и содержательным (Sheehan, 2019).

Для меня, интеллектуала с непостоянной занятостью, это было особенно трудное время. Я часто чувствовала гнев и горечь, временами была близка к отчаянию, однако продолжала работать. Читала лекции во многих местах, начиная от университетов Лиги плюща и заканчивая местными центрами занятости, стала «говорящей головой» на радио и телевидении, увлеклась культурологией. Когда дело доходило до получения должности, меня всегда заменяли кем-то более надежным, даже если этот кто-то был менее квалифицированным. И только в 1990-е гг., когда я уже думала, что это никогда не произойдет, наконец получила постоянную академическую должность.

Марксизм, возможно, не был для меня преимуществом при продвижении по службе, но, несмотря на навлекаемые им беды и испытания, развил мой образ мышления. Я обладала интеллектуальной ясностью и нравственной целью, и это было очень много. У меня были способы закалиться и успокоить себя. Я думала: кто был авторитетными профессорами философии в то время, когда Маркс и Энгельс писали свои классические тексты, живя трудной жизнью изгнанников и маргиналов; когда Кодуэлл и Дэвид Гест истекали кровью на полях сражений, а весь их блеск и страсть впитывались в землю Испании; когда Бухарин писал в своей мрачной камере, доказывая потомкам правоту марксизма вплоть до того момента, когда его вывели на расстрел? Так много раз я пела «сквозь темные подземелья и мрачные виселицы»³, но меня-то не посадили в тюрьму и не казнили.

В Восточной Европе в течение нескольких лет многое произошло. Все открылось только для того, чтобы снова закрыться. В 1990 г. казалось, что мир перевернулся с ног на голову. СССР, ГДР, Чехословакия и Югославия исчезли с карты мира. Я часто задавалась вопросом: сколько интеллектуалов, которых я встречала в Восточной Европе, остались бы марксистами, если бы не произошла смена режима? И я выяснила. В 1990-е гг. у меня было несколько конфликтов с теми, кто сделал свою карьеру, исповедуя марксизм, а затем

³ Слова из песни «Красный флаг» (The Red Flag) – гимна британской Лейбористской партии, североирландской Социал-демократической и лейбористской партии, ирландской Лейбористской партии.

сделал свою карьеру, осуждая его. Увы, но академическая жизнь во всем мире полна таких людей. Они делают то, что необходимо для самореализации, чтобы продвинуться вперед, и получают вознаграждение, тогда и сейчас, но они никогда не создадут ничего по-настоящему ценного.

В 1996 г. меня отправили в университет в Словакии по программе TEMPUS Европейского Союза, в рамках которой западные ученые направлялись в восточные университеты, чтобы показать, как работают «правильные» университеты, – откровенно колонизирующий проект. Меня попросили прочитать гостевую лекцию на тему по моему выбору. Я выбрала марксизм. Организаторы были удивлены, а затем обескуражены. Тем не менее организовали. Аудитория была переполнена. Марксизм снова обрел вкус запретного плода. Я сказала, что ситуация нелепа. Марксизм был официальной философией на протяжении десятилетий, а затем исчез из учебной программы, как будто его никогда и не было. Сегодня это ортодоксия, а на следующий день отступничество, что никак нельзя назвать здоровым. Я заявила, что марксизм был важнейшей интеллектуальной традицией в мировой истории, и дела никогда не наладятся, пока он не найдет свое достойное место по отношению ко всем соперникам в общей схеме вещей. В последующие дни люди подходили ко мне, тихо говоря, что согласны.

На протяжении многих лет я возвращалась в Восточную Европу, чтобы посмотреть, куда же подевались все марксисты. Наибольшее впечатление на меня произвело посещение побежденной марксистской интеллигенции, которая все еще оставалась марксистской, особенно тех, кто занимался философией науки и когда-то был на академическом олимпе, а впоследствии вел довольно маргинальную жизнь. Но было много нечестности и отрицания, которые распространялись даже на мертвых. Я была глубоко огорчена, читая некрологи тех, кого в былые годы знала как марксистов, но об этом не упоминалось. Когда я задавала вопросы о марксизме, иногда возникало неприятное ощущение, что я расследую сексуальные связи или шпионские скандалы. Хотя эта тема по-прежнему вызывает у многих значительную тревогу, меня поражает удивление молодых интеллектуалов аргументами в пользу марксизма, а также их открытость к их рассмотрению.

Лорен Грэм из Массачусетского технологического института и Гарвардского университета, посвятивший всю свою профессиональную жизнь изучению советской и постсоветской науки и философии науки, свидетельствовал о долгосрочном влиянии диалектического материализма на российских ученых даже после распада Советского государства. Более того, он заметил, что эта философия науки на самом деле вполне разумна и соответствует неявным взглядам многих ученых во всем мире (Graham, 1998).

Что может предложить марксизм?

Что же марксизм может предложить науке и науковедению сейчас? Кажется, эти области процветают в том смысле, что там многое происходит. Имеет место большое финансирование, существует множество показателей, поощряются всевозможные эмпирические исследования. Многое из этого интересно и ценно, хотя многое пресно и бессвязно. Многие исследования слишком

узкие, поверхностные и продиктованы скорее рыночным спросом и стремительным карьеризмом, чем интеллектуальными поисками. В образе мышления не так много такого, что было бы одновременно эмпирически обосновано, философски интегрировано и социально-исторически контекстуализировано. Это то, что как раз марксизм мог бы воплотить в жизнь. Вместо этого современные исследования переходят от одной крайности к другой: от мельчайших молекул к Дао физики. Это либо наука, лишенная философских или исторических размышлений, либо нонсенс нью-эйдж, вторгающийся в философский пробел и заполняющий полки книжных магазинов. И то и другое коммерчески успешно. Противоречие в буквальном смысле продается.

Интенсивная коммерциализация науки, как часть общей коммерциализации знаний, является сегодня самой мощной силой в этой области. Новая ортодоксия взяла власть в свои руки благодаря не столько победе в спорах, сколько обладанию системной властью в глобальном масштабе. Философия не процветает на этой арене. Равно так же, как и теория ни в одной дисциплине. Университеты вынуждены действовать в соответствии с рыночными нормами, и выживание наиболее приспособленных к коммерческой конкуренции превосходит все другие формы проверки, особенно критерии истинности, теоретическую глубину и широту, моральную ответственность, политическую вовлеченность. Существует мощное давление, сдерживающее, разрушающее и маргинализирующее критическое мышление, творческое мышление и особенно системное мышление.

Университеты – это территория борьбы. Атмосфера резко изменилась по сравнению с той, что царила в 1960-е и 1970-е гг. Тогда были крупномасштабные конкурирующие парадигмы в каждой области, противостоящие друг другу с большой энергией и страстью. Теперь это исчезло, что вызывает недоумение, поскольку ничего не было решено. Люди научились жить с нерешенными или непризнанными проблемами или соглашаться на решение на менее фундаментальном уровне. Противостояние мировоззрений уступило место эклектике низкого уровня. Происходит сужение перспективы и отступление от участия, будь то из-за близорукости, невежества, поверхностности, конформизма, страха или карьеризма.

Многое из того, что я читаю или просматриваю во многих областях, является полусырым. Концептуализация непрочная и запутанная. Контекстуализация слабая и случайная. Марксизм воспитал во мне потребность в сильной и ясной концептуализации, в плотной и системной контекстуализации. Многие социальные исследования науки все еще слишком слабы в плане концептуализации и контекстуализации.

Периодически происходили повторные открытия социально-исторического контекста науки – от Куна до Эдинбургской школы и Латура, как будто марксизма никогда не было. Это не отрицает значительного вклада Эдинбургской школы, демонстрирующей впечатляющие результаты эмпирических исследований интригующих эпизодов в истории науки, сцепляющих социальные структуры с космологиями, связывающих классовые интересы с позициями, занимаемыми в научных спорах. Эти ученые выступали против того, чтобы рассматривать то, что считается истинным и рациональным в истории науки, как бесп проблемное и не нуждающееся в социологическом

объяснении, а также против того, чтобы рассматривать социальные факторы как обязательно включающие искажения науки. Они не согласны со старыми взглядами на знание как на индивидуалистическое, пассивное и созерцательное, рассматривают его как социальное, активное и контекстуальное. Знание понимается как продукт не пассивно воспринимающих индивидуумов, а взаимодействующих социальных групп. Научные теории не открываются индивидуально, а социально конструируются. В этом у них много общего с марксизмом.

Однако в отличие от марксизма сторонники Эдинбургской школы рассматривают научное знание как абсолютно случайное, не оставляя нам никаких общих закономерностей, никаких необходимых связей, соединяющих знание либо с общественным строем, либо с миром природы; никакой концепции научного прогресса, никаких критериев дифференцированной оценки. С их точки зрения, социальные группы просто выбирают теории в качестве ресурсов, соответствующих их целям, и нет никакого способа, которым такие теории можно ранжировать с точки зрения их близости к реальности или их рациональности. Эти науковеды постоянно меняют свою позицию, переходя от самого произвольного волюнтаризма к самому радикальному механистическому детерминизму. Устанавливают жесткую модель знания, основанную на интересах, а затем призывают к бескорыстным исследованиям. Выступают против придания науке особого статуса по сравнению с другими формами культуры и против критериев разграничения, а затем присваивают науке наивысший почетный статус. Все это слишком случайно, слишком противоречиво и слишком расплывчато, чтобы продвинуть нас к более глубокому пониманию взаимосвязи между когнитивными и социальными аспектами науки (Barnes, 1974, 1977; Bloor, 1976).

Научные войны 1990-х гг. упрочили нити этих противоречий. Я оказалась на обеих сторонах, но полностью ни на одной из них. Я согласилась с теми, кто хотел защитить познавательную способность науки от эпистемологического антиреализма, иррационализма, мистицизма, конвенционализма и особенно от всего, что связано с постмодернизмом. Я также согласилась с теми, кто настаивал на строгом социально-историческом подходе к науке, выступая против утверждения сциентизма. Лучшее понимание того, что марксистская традиция привнесла в эти вопросы, прояснило бы ситуацию. Я не считаю, что дискредитация науки с точки зрения ее познавательной способности – подходящее занятие для левых. Это не является ни эпистемологически обоснованным, ни политически прогрессивным. Левые должны встать на сторону науки, критически реконструированной, социально ответственной, но с учетом возможностей самой науки (Segerstrale, 2000; Sheehan, 2001).

Наука и науковедение все больше склоняются к отступлению от великих идей, которые когда-то были распространены. Они стали слишком мелкими, слишком замкнутыми, слишком одержимыми мини-дебатами о микротенденциях со слабыми свидетельствами релевантной интеллектуальной истории и слабым социальным контекстом (подробнее см. Biagioli, 1999).

Что касается философии, то, хотя она занимает центральное место в жизни человека, многие профессиональные философы сводят ее к технической эзотерике или запутывающей бессмыслице. Они оттолкнули многих, кто

пришел к ним в поисках смысла, поставив любую защиту ее снижающегося статуса на сомнительные основания. Некоторые тексты по философии науки кажутся мне эквивалентными одержимости игрой в шахматы, когда вокруг играющих горит дом.

Марксизм остается альтернативой. Он по-прежнему превосходит все, что есть сегодня на сцене. Это способ увидеть мир с точки зрения сложного паттерна взаимосвязанных процессов, где другие видят только разрозненные и статические детали. Это способ показать, что экономические структуры, политические институты, правовые кодексы, моральные нормы, культурные тенденции, научные теории, философские взгляды и даже здравый смысл являются продуктами модели исторического развития, сформированной способом производства.

Марксизм как философия науки является материалистическим в том смысле, что объясняет естественный мир в терминах природных сил, а не сверхъестественных. Марксистская философия науки диалектична в том смысле, что является эволюционной, поступательной, развивающейся. Она радикально контекстуальна и релятивна, ибо позволяет видеть все существующее в сети сил, в которую встроена. Она эмпирична, не будучи позитивистской или редукционистской. Она рационалистична, не будучи идеалистической. Она последовательна и всеобъемлюща, но в то же время эмпирически обоснована. Собственно, в этом и состоит сущность тотализующего диалектического мышления, развиваемого марксизмом.

Марксизм необходимо постоянно пересматривать в свете самой передовой науки, самых современных знаний. В философии науки это означает предметное осмысление философских следствий эмпирических наук, и делать это необходимо в широком социально-историческом контексте. В философии вообще это означает обращение к другим дисциплинам и междисциплинарным исследованиям и участие в дебатах по поводу теоретических основ растущего знания. Это означает тщательное изучение современных изменений в самом производстве знания.

Марксизм занимал важное место в истории философии. Марксистская философия была формирующей силой в научных исследованиях и других дисциплинах, и она продолжает оказывать влияние. Она не так влиятельна в современном интеллектуальном ландшафте, как того заслуживает, но все же более влиятельна, чем многие могут подумать. Это происходит способами, которые не всегда осознаются. Иногда это философия, «которая не смеет проносить свое имя». Более того, многие из ее предпосылок стали настолько общепринятыми, что уже неважно, откуда они взялись.

Марксизм продолжает жить, но окольными и сложными путями: иногда сильным, блестящим, дерзким образом, иногда тонким, но влиятельным, иногда слишком слабым, запутанным и униженным. Зачастую облегченный вариант марксизма используется интеллектуалами для поиска случайных идей для поверхностных теорий. Некоторые из них являются квазимарксистами или постмарксистами. Они обескуражены поражением или децентрированы постмодернизмом. Одно дело, когда ветер дул им в спину, но их сбил с ног встречный ветер, которому они не смогли противостоять. Все время происходят приливы и отливы, а также новые волны осознания.

Нынешний толчок к деколонизации знаний имеет важное значение. Я радовалась, когда «Родс пал» в Кейптаунском университете в 2015 г.⁴ До этого я съезживалась каждый раз, когда проходила мимо него в кампусе. Тем не менее я наблюдала, как большая часть этого прогрессивного импульса была утрачена из-за неспособности увидеть достигнутое предыдущими поколениями, а также из-за неспособности увидеть, что центральной силой, колонизирующей знания, является капитал. Я уже вижу, как многое из этого кооптируется в мягкую и слепую либеральную повестку разнообразия и инклюзивности (Sheehan, 2020).

В настоящее время имеются свидетельства возрождения интереса к марксистской философии науки. За прошедшие годы количество приглашений меня в качестве докладчика то увеличивалось, то уменьшалось. Причины, по которым сейчас ищут меня и других марксистов, в большей степени связаны с текущей чрезвычайной ситуацией планетарного масштаба, в частности, с надвигающейся климатической катастрофой и продолжающейся пандемией COVID-19. Наука стала актуальной. Премодернистская или постмодернистская антинаука – тупиковый путь. Позитивистский сциентизм обладает некоторой силой, но слишком узок, слишком близорук, чтобы представить полную картину.

В последнее время я не часто сталкивалась с постмодернистской критикой науки. Поскольку наука стала настолько заметной, настолько непосредственной, настолько важной для нашей коллективной судьбы, я не думаю, что кто-то хочет слышать, что у нас нет критериев для выбора между спорными утверждениями об истине или что наука по своей сути обманчива или деспотична. И все же наука при капитализме никогда еще не была такой проблематичной. Только системный анализ может преодолеть это, и только вытекающие из подобного понимания действия способны справиться с возникающими проблемами.

Статистические данные о выбросах углерода или утрате биоразнообразия помогут нам продвинуться вперед только в том случае, если мы назовем систему, которая создала проблему, подталкивает процесс вперед и блокирует возможные решения. Об экологическом кризисе очень много пишут, но именно марксисты, например, Джон Беллами Фостер, Иэн Ангус, Андреас Мальм, связывающие науку с философией, социологией и политической экономией, проясняют целостную картину и указывают путь за ее пределы (Angus, 2017; Malm, 2017, 2020; Foster, 2020; Johansson & Baumgartner, 2021).

То же самое и с нынешней пандемией COVID-19. Статистические данные о случаях заражения, госпитализации, смертях, вакцинации и мерах по смягчению последствий не помогут нам, если мы не увидим, какие условия вызвали эту пандемию и породят будущие более жестокие пандемии. Именно марксисты, такие как Майк Дэвис и Роб Уоллес, спрогнозировали приближение пандемии

⁴ «Родс должен пасть» (Rhodes Must Fall) – протестное движение, начавшееся 9 марта 2015 г. и первоначально направленное против статуи в Кейптаунском университете (ЮАР), посвященной памяти британского колонизатора XIX в. Сесила Родса (он завещал землю, на которой был построен университет). В марте активист и студент Чумани Максвелл вылил ведро с человеческими фекалиями на бронзовую статую и поджег фитиль, что ознаменовало начало движения и вызвало серию протестов, кульминацией которых стал снос статуи 9 апреля 2015 г. – Прим. переводчика.

COVID-19, и, когда она наступила, показали ее связь с кругооборотом капитала. Что бы ни случилось в лаборатории или на рынке в китайском Ухане, настоящая причина кроется в вырубке лесов, разрушении мест обитания, торговле дикими животными, всей индустриализированной системе производства продуктов питания и глобальном кругообороте капитала (Davis, 2020; Wallace, 2016a, 2016b). Марксисты и другие ученые отмечают ухудшение состояния систем общественного здравоохранения, негативное влияние на патенты и мертвую хватку крупных фармацевтических компаний, препятствующих справедливому распределению вакцин и медикаментов.

Заключение

Нам нужна более открытая, нацеленная на сотрудничество международная наука для решения обозначенных выше проблем. В ответ на текущие кризисы предприняты некоторые шаги, но препятствия по-прежнему огромны.

Марксисты вышли на первый план в применении системного мышления, требуемого этими кризисами. Они не только выясняли причины, но и указывали на решения – решения, которых трудно достичь, потому что императивы, порожденные экологическими и эпидемиологическими кризисами, противостоят самой логике капитализма. Я думаю, это осознают все больше и больше людей, тех, кто собрался осенью 2021 г. на 26-й конференции ООН по вопросам изменения климата (COP26), или тех, кто не смог приехать, но с тревогой следил за новостями.

Итак, где мы сейчас находимся? Это парадокс: никогда не было такой тотализирующей, систематизирующей силы, как современный глобальный капитализм, и в то же время никогда не было такого торможения синтезирующего системного мышления. Централизованный рынок децентрирует психику. Он организует производство и потребление, но одновременно с этим дезорганизует общество. Тем не менее ведется поиск истины, присутствует стремление к справедливости, которые система не может ни удовлетворить, ни подавить. В связи с этим я возлагаю надежду на возрождение тотализирующего мышления и коллективного действия, которые марксизм возвращал десятилетиями.

Более того, марксистская философия науки, на мой взгляд, именно в силу не только имманентно присущего ей тотализирующего мышления, но и радикальной историчности, транспарентной концептуализации и системной контекстуализации всех составных элементов человеческого бытия, способна выйти за рамки обозначенной во Введении «эпистемологической катастрофы» и объяснить социальные детерминанты и корни науки, показать тенденции исторического развития науки (как это для своего времени сделал Маркс, спрогнозировав превращение науки – *allgemeine Wissenschaft, general intellect* – в непосредственную производительную силу). Такое возможно только в силу того, что марксизм рассматривает науку не как автономный, замкнутый в себе феномен, а как форму общественного сознания и социальный институт, которые в своем содержании определяются (конечно, не в смысле жесткого линейного детерминизма, хотя внутри самого марксизма такие перегибы имели место) протеканием целокупного жизненного процесса. Поэтому марксизм по-прежнему остается непревзойденной философией нашего времени.

Итак, история марксизма и его отношения к науке неразрывно связаны с историей всего остального. До сих пор это была захватывающая драма, полная откровений, катарсиса, трагедии и фарса. И я готова к следующему акту.

References

1. Angus, I. (2017). *A redder shade of green: Intersections of science and Socialism*. New York: Monthly Review Press.
2. Barnes, B. (1974). *Scientific knowledge and sociological theory*. London: Routledge & Kegan Paul.
3. Barnes, B. (1977). *Interests and the growth of knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul.
4. Bernal, J.D. (1934). *Aspects of dialectical materialism*. London: Watts & Co.
5. Biagioli, M. (1999). *The science studies reader*. New York: Routledge.
6. Bloor, D. (1976). *Knowledge and social imagery*. London: Routledge & Kegan Paul.
7. Bukharin, N. (2005). *Philosophical arabesques*. New York: Monthly Review Press.
8. Bukharin, N.I. et al. (1931). *Science at the Crossroads*. Papers presented to the International Congress of the History of Science and Technology, held in London from June 29th to July 3rd, 1931, by the delegates of the U.S.S.R. London: Kniga.
9. Caudwell, C. (1971). *Studies and further studies in a dying culture*. New York: Monthly Review Press.
10. Caudwell, C. (1986). *Heredity ad development*. London: Routledge & Kegan Paul.
11. Caudwell, C. (2018). *The Crisis in Physics*. London: Verso Books.
12. Chilvers, C. (2015). Five tourniquets and a ship's bell: The special session at the 1931 Congress. *Centaurus*, 57(2), 61–95. <https://doi.org/10.1111/1600-0498.12094>
13. Davis, M. (2020). *The Monster enters: COVID 19, Avian flu, and the plagues of Capitalism*. New York: Verso Books.
14. Foster, J.B. (2000). *Marx and ecology*. New York: Monthly Review Press.
15. Foster, J.B. (2020). *The return of nature*. New York: Monthly Review.
16. Graham, L. (1998). *What have we learned about science and technology from the Russian experience?* Stanford: Stanford University Press.
17. Johansson, J., & Baumgartner, K. (2021). *Marxist-Humanism in the present moment: Reflections on theory and practice in light of the Covid-19 pandemic and the Black Lives Matter Uprisings*. Chicago: International Marxist-Humanist Organisation.
18. Kangal, K. (2020). *Friedrich Engels and the Dialectics of nature*. London: Palgrave Macmillan.
19. Levins, R., & Lewontin, R. (1987). *The dialectical biologist*. Cambridge: Harvard University Press.
20. Malm, A. (2017). *The progress of this storm: Nature and society in a warming world*. New York: Verso Books.

21. Malm, A. (2020). *Corona, climate, chronic emergency: War Communism in the twenty-first century*. New York: Verso Books.
22. Segerstrale, U. (2000). *Beyond the science wars: The missing discourse about science and society*. Albany: State University of New York Press.
23. Sheehan, H. (2001). The drama of the science wars: What is the plot? *Public Understanding of Science*, 10(2).
24. Sheehan, H. (2007). J.D. Bernal: Philosophy, politics and the science of science. *Journal of Physics. Conference Series*, 57, 29–39. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/57/1/003>
25. Sheehan, H. (2018). *Marxism and the philosophy of science: A critical history*. London: Verso Books.
26. Sheehan, H. (2019). *Navigating the Zeitgeist*. New York: Monthly Review Press.
27. Sheehan, H. (2020). Class, race, gender and the production of knowledge: Considerations on the decolonisation of knowledge. *Transform*, (7), 13–30.
28. Wallace, R. (2016a). *Big farms make big flu*. New York: Monthly Review Press.
29. Wallace, R. (2016b). *Dead epidemiologists: On the origins of Covid-19*. New York: Monthly Review Press.
30. Werskey, G. (1978). *The Visible college: A collective biography of British scientists and socialists of the 1930s*. London: Allen Lane.
31. Young, R. (1977). Science is social relations. *Radical Science Journal*, (5), 65–129.

Информация об авторе

Хелена Шихан, доктор философии (PhD), почетный профессор, Дублинский городской университет, Дублин, Ирландия, e-mail: helena.sheehan@dcu.ie

Information about the author

Helena Sheehan, PhD, Professor Emerita, Dublin City University, Dublin, Ireland, e-mail: helena.sheehan@dcu.ie